

Шнидевинд У. М.

КАК БИБЛИЯ СТАЛА КНИГОЙ: ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ

пер. с англ. В. Л. Вихновича и Н. В. Сидоренко. СПб.:
Европейский Дом, 2020. 304 с.: илл. ISBN 978-5-8015-0410-0

УДК 82-95 (27-275)

DOI: 10.31802/BCA.2023.20.4.011

Уильям Шнидевинд — современный американский библеист, автор шести монографий и более пятидесяти статей. Большая часть его трудов посвящена вопросам истории древнееврейского языка и письменности, также есть исследования по памятникам древнего Угарита. Монография «Как Библия стала книгой» — самая известная книга автора. Впервые изданная на английском языке в 2004 г.¹, она была переведена на ряд языков (французский, корейский, итальянский, португальский и сербский); наконец, этот труд стал доступен русскоязычному читателю.

В целом книга посвящена проблемам исагогики Ветхого Завета; её можно охарактеризовать как нетривиальную работу, в которой высказывается много ярких и оригинальных гипотез. Свой метод изложения материала автор характеризует так: «Я старался, с одной стороны, насколько это возможно, не перегружать книгу чересчур усердным обсуждением спорных вопросов и, с другой стороны, дать достаточное количество сносок, представляющих различающиеся взгляды учёных-библеистов» (с. 12). Таким образом, книга будет интересна как учёным-библеистам, так и читателям более широкого круга (тем не менее для понимания идей автора необходим базовый уровень знания Ветхого Завета). В книге повторы одних и тех же мыслей присутствуют, но они в целом не выглядят излишними. В книге всего десять глав; как правило, в конце каждой главы повторяются основные выводы.

Глава 1 является вводной и здесь анонсированы вопросы и проблемы, которые далее рассматриваются в основной части монографии. Глава 2 «Сверхъестественная сила письма» (с. 43–55) — краткая, но интересная.

1 Schniedewind W. M. *How the Bible Became a Book: The Textualization of Ancient Israel*. Cambridge, 2004.

Здесь автор на основе тезиса: в древнем мире письмо «было даром богов» и «обладало сверхъестественной силой благословлять или проклинать» (с. 43) — комментирует отдельные сложные с точки зрения экзегезы места Ветхого Завета. Многие объяснения автора интересны; при этом они отличаются от распространённых интерпретаций данных фрагментов и потому могут рассматриваться, в лучшем случае, как допустимые варианты, в частности при толковании закона о ревности (см. Чис. 5, 11–31). У. Шнидевинд обращает особое внимание на стих 23 и заявляет: «Текст проклятия, смытый в воду, придает воде магическую силу <...> Существование такого обряда говорит о вере в магическую силу записанных слов. А сходство между ним и египетскими ритуалами показывает нам, что древние израильтяне верили в сверхъестественную силу письма так же, как их южные соседи» (с. 48). Таким образом, автор считает, что именно запись и смывание текста проклятия играет решающую роль в этом ритуале; в этом он приближается к сторонникам магического толкования данного фрагмента (но и здесь его позиция отличается акцентом на значении записанного проклятия, тогда как другие обычно говорят о совокупной роли всех действий). Его толкование кардинально отличается от более популярного, согласно которому в этом обряде женщина выпивает воду, нейтральную по своему действию с физической точки зрения; суд и наказание полностью передаются в руки Бога².

Нестандартно также толкование различных переписей: само вписывание имени считается вторжением в божественный мир и потому опасно для человека. С точки зрения автора, жертва в полшекеля при переписи Израиля в пустыне (см. Исх. 30, 11–16; Чис. 1) необходима для предотвращения наказания (согласно стандартному толкованию, полшекеля рассматривается как налог в пользу скинии); в этом же духе объясняется наказание за перепись, устроенную царём Давидом (см. 2 Цар. 24): в результате мора погибают те 70 тысяч израильтян, имена которых были записаны (с. 50–51). Последнее толкование — явный «перебор»: во-первых, Иов обшёл весь Израиль и успел переписать весь народ (как минимум, всех мужчин военнообязанного возраста, см. 2 Цар. 24, 9); во-вторых, текст не даёт оснований думать, что погибли только те, чьи имена были записаны; тем более что Господь дает Давиду на выбор три варианта наказания и велика вероятность,

2 New American Commentary Old Testament: An Exegetical and Theological Exposition of Holy Scripture: in 42 vols. Vol. 3B: Numbers / ed. by R. D. Cole. Nashville (Tenn.), 2001. P. 116–117; Tyndale Old Testament Commentaries: in 27 vols. Vol. 4: Numbers: An Introduction and Commentary / ed. by G. J. Wenham. Nottingham, 1981. P. 93.

что при выборе альтернативного варианта количество и перечень погибших людей были бы совершенно иными.

Также оригинальным является толкование небесной «книги жизни»: по мнению автора, все живые люди записаны в этой символической книге; стирание имени из неё влечёт за собой смерть человека (с. 54). Традиционная экзегеза на основе Дан. 12, 1 и Мал. 3, 16 обычно предполагает, что в этой книге записываются имена праведников и их добрые дела.

В главе 3 «Письмо и государство» (с. 56–72) кратко говорится о зарождении письма и изобретении алфавита (эта информация интересна для расширения общекультурной эрудиции). Основная идея — тезис, что в древнем мире, в том числе в древнем Ханаане, писцы работали только при дворах царей; более того, наличие писца было обязательным элементом престижа правителя, включая правителей небольших государств (типа Моава). Интересным способом доказываемается наличие профессиональных писцов при дворе Соломона: раз сказано, что у Соломона были обезьяны и павлины (см. 3 Цар. 10, 22), а «экзотические животные были одним из атрибутов настоящего царского двора», то у него непременно должны быть придворные писцы (с. 68).

Глава 4 «Письмо в древнем Израиле» (с. 73–93) посвящена истории письменности в Израиле до VIII в. до Р. Х. Главная идея: в период Судей письменной литературы не было в принципе, могли возникнуть, в лучшем случае, устные эпические произведения (песнь Деворы). Писцы в Израиле появились только в период монархии (как необходимый атрибут), «стоили» дорого и потому занимались исключительно государственными делами: «составляли всякие списки и вели записи событий, а также отвечали за дипломатическую переписку» (с. 86). Также они могли чеканить надписи на стелах, но не для чтения народом, а для статуса. При единой монархии и в период разделённой монархии обширные литературные произведения появиться не могли: их некому было бы читать. Показательный лингвистический факт: глагол קָרָא / *qārāʾ* в допленном библейском иврите имел значение «вызывать» или «провозглашать»; только после плена он получил вторичное значение «читать» (с. 73–74). На основании этих данных У. Шнидевинд отвергает возможность написания при дворе Соломона отдельных библейских книг или даже их частей; в частности, не мог быть написан в X в. основной повествовательный «слой» Пятикнижия — Яхвист³,

3 В критической библеистике XIX — перв. пол. XX в. датировка Яхвиста временем Соломона была своего рода аксиомой, однако с 1970-х гг. под влиянием Р. Рендторфа библеисты

также сомнительным является происхождение гипотетической «истории двора Давида»⁴ (с. 93)⁵. Максимум к этому времени могут восходить отдельные списки и краткие описания исторических событий; в частности, аутентичными наш автор считает списки сановников Давида и Соломона, которые «должны быть самыми настоящими древними списками времён ранней израильской монархии, поскольку в них много имён без яхвистского теофорного элемента» (с. 89). Фрагменты библейских книг в это время могли существовать, в лучшем случае, в виде устных произведений.

Глава 5 «Езекия и возникновение библейской литературы» (с. 94–127) и глава 6 «Иосия и переворот в восприятии письменного текста» (с. 128–162) — две основные главы книги. Автор выдвигает и всячески обосновывает концепцию, состоящую в том, что подавляющее большинство книг Ветхого Завета было написано в правление Езекии (кон. VIII в. до Р. Х.) и Иосии (640–609 гг. до Р. Х.) — двух иудейских царей, которые удостоены наивысшей похвалы в Девтерономической истории. Эти главы во многом пересекаются по содержанию, в них повторяются одни и те же тезисы, поэтому имеет смысл объединить их в нашем обзоре. Итак, всплеск письменной активности и появление священной литературы в Иудее в конце периода монархии были обусловлены историческими обстоятельствами. Во-первых, У. Шнидевинд принимает историческую реконструкцию, которая в начале XXI в. была предложена И. Финкельштейном (что неудивительно, поскольку известный труд И. Финкельштейна «Раскопанная Библия. Новый взгляд археологии на древний Израиль и происхождение его священных текстов» был опубликован в 2001 г., тогда как английский оригинал книги У. Шнидевинда — в 2004 г.), но сейчас благодаря новейшим археологическим

отказались от понятия «Яхвист» и от ранней датировки соответствующих фрагментов. Получается, У. Шнидевинд полемизирует со старым, стереотипным вариантом документальной гипотезы.

- 4 «История двора Давида» — фрагмент, состоящий из 2 Цар. 9 — 20 и 3 Цар. 1 — 2. По мнению ряда библеистов, это произведение было одним из основных источников для автора книг Царств, и написано оно было во время правления Соломона для обоснования его прав на царский престол.
- 5 Продолжая аналогию, заключаем, что концепция У. Шнидевинда исключает и написание в период монархии других предполагаемых обширных произведений, не столь известных широкому кругу, например, историю царя Саула, реконструкцию которой предлагает У. Ли Хамфрис. См.: *Lee Humphreys W. The Rise and Fall of King Saul: A Study of an Ancient Narrative Stratum in 1 Samuel // Journal for the Study of the Old Testament. 1978. Vol. 5 (18). P. 74–90.*

данным многие выводы И. Финкельштейна подвергаются критике. Тем не менее он принимает тезис, что падение Северного царства в 722 г.⁶ дало мощный импульс развитию Иудеи: в результате в Иудею хлынул поток переселенцев с севера, увеличилась численность жителей всей Иудеи, а Иерусалим стал крупным городом (до этого времени был небольшим административным центром). Более того, многие из репатриантов принадлежали к элите, поэтому в Иерусалиме появилось много грамотных людей, то есть общекультурный уровень жителей резко повысился (с. 134). Яркой иллюстрацией повышения грамотности населения является знаменитая Силоамская надпись; автор приводит интересный и подробный анализ этого памятника, делает характерный вывод: «Исключительно важно то, что в данном случае письмо используется не во дворце и не в храме. Эта надпись предвещает серьёзное изменение роли письма в иудейском обществе» (с. 104–105). Второе важное историческое обстоятельство — завоевание ассирийцами Ближнего Востока; в условиях постоянной угрозы происходит вынужденная урбанизация — население покидает сёла и переселяется в города, которые обеспечивали большую безопасность. В этой ситуации Езекия становится лидером всего Израиля, его начинают воспринимать как нового Давида или Соломона (с. 107, 115). Для идеологического обоснования новой государственной политики появляется потребность в такой литературе, которая делает акцент на единстве Израиля. Именно в правление Езекии пишутся первые священные книги, к числу которых автор относит книгу Притчей (также допускает написание книги Екклесиаста и Песни Песней), Бытие — Числа, раннюю версию Девтерономической истории⁷, книги пророков VIII в.: Исаии (гл. 1–39), Осии, Амоса, Михея.

6 Кстати, падение Северного царства в 722 г. У. Шнидевинд описывает кратко, как бы мимоходом: «В 722 г. до н. э. в Израиле произошло восстание против империи, которое ассирийская армия не замедлила подавить; восставшие были уничтожены» (с. 96). Однако такое изложение событий неверно: Библия говорит о том, что осада Самарии длилась три года (4 Цар. 17, 5); учитывая, что библейская традиция иногда «считает неполные годы за полные <...> три года осады, о которых говорится, в реальности могут быть двумя годами или даже менее чем двумя» (*Арсений (Соколов), ижум.* Книга пророка Осии. Комментарий. М., 2019. С. 35). Всё равно оборона Самарии была достаточно продолжительной; во-вторых, результатом осады была почётная капитуляция города, а не «уничтожение», о котором говорит наш уважаемый автор. Такие грубые и непонятные ошибки в столь серьёзной научной монографии выглядят, мягко говоря, необъяснимыми.

7 В современной библеистике можно выделить две конкурирующие модели написания Девтерономической истории: теория Ф. Кросса («гипотеза двойной редакции») и теория Р. Сменда («гипотеза тройной редакции»). По первой версии, основная часть Девтерономической истории была написана при Иосии, затем в период плена были дописаны

Относительно указанных пророческих книг говорится, что сами пророки записей не составляли, однако их пророчества были собраны и «изданы» при дворе Езекии, поскольку отражали официальную идеологию Иудейского царства (даже в Книге пророка Амоса, «израильской» по содержанию, есть пророчество о восстановлении падшей «скинии Давидовой», которое укладывается в эту авторскую концепцию).

Достаточно много внимания автор уделяет предполагаемому противостоянию городского и сельского населения; это явление считается следствием урбанизации. Так, пророк Михей считается выразителем позиции сельского населения; обличение социальной несправедливости в его книге объясняется в контексте критики урбанизации (с. 110). Особенный интерес представляет интерпретация часто употребляемого в 4 Царств (всего 12 раз) выражения «народ земли» в качестве обозначения жителей периферии (в одном месте автор уточняет: «народ земли» — «политическая группа, выражавшая интересы сельского населения» (с. 156)). Показательно: автор трижды цитирует 4 Цар. 11, 20, переводя этот стих в контексте противостояния «города» и «села»: «И веселился весь народ земли, но город безмолвствовал после того, как Гофолию умертвили мечом в царском доме» (с. 98, 111, 151). Именно эти «люди земли» возвели на престол в 640 г. до Р. Х. малолетнего Иосию и, что для нас ещё важнее, именно эти люди были инициаторами

последние главы и произведена редакция всего корпуса. По версии Р. Сменда, основа Девтерономической истории написана около 580 г., вскоре её отредактировал и существенно дополнил некий «пророческий» девтерономист, затем — «номистический» девтерономист. В каждой из версий предполагается, что работа над созданием этого грандиозного корпуса началась не ранее посл. четв. VII в. Однако в реконструкции У. Шнидевинда обосновывается идея создания основы Нав. — 4 Цар. временем царя Езекии, то есть на столет раньше датировки, предлагаемой Ф. Кроссом. Как указывает наш автор, поддерживаемая им версия постепенно набирает популярность (с. 112).

И ещё: говоря о составлении ранней версии Девтерономической истории в правление Езекии, У. Шнидевинд особое внимание уделяет вопросу о причинах написания книги Иисуса Навина: «Повествование, посвящённое Навину, представляет собой утопическую версию истории завоевания всей страны Израиля, севера и юга. Включение в повествование истории завоевания севера, и даже особое внимание, уделяемое северу, уже говорит о многом <...> То, что книга Иисуса Навина обращает особое внимание на завоевание севера страны, указывает на то, что написана она была в историческом контексте, схожем с эпохой правления Езекии — временем, когда Иудея надеялась вернуть под свою власть потерянные северные колена и их земли». Этот интерес к северу, по мнению У. Шнидевинда, является решающим для датировки основной части Девтерономической истории: она могла быть написана только при Езекии и, напротив, не могла появиться при Иосии, в правление которого север уже иудеев не интересовал, но стал для них «козлом отпущения» (с. 116).

составления Второзакония. Если библейская критика в вопросе происхождения Второзакония традиционно считает концептуальным фрагментом главу 12, где говорится о едином месте богослужения, то для Шнидевинда определяющей является глава 17, где содержится закон о царской власти. На основании содержания этой главы выдвигается идея: Второзаконие написана как своего рода конституция, ограничивающая права царя; оптимальным временем общественного признания Второзакония является период малолетства царя Иосии, когда царская власть была слаба и «народ земли» попытался воспользоваться этим, преобразовав абсолютную монархию в конституционную, в которой роль конституции играла книга Второзакония, ограничивавшая права царя (с. 156–157).

При Иосии грамотность становится достоянием не только писцов и священников, но и широкого круга лиц из простого народа. Этот интересный и важный для истории Израиля факт доказывается разными способами: во-первых, наличием большого количества разных печатей и надписей, относящихся к данной эпохе. При этом особое внимание автор обращает на остракон, входящий в группу писем из Лахиша. В этом остраконе младший офицер всячески убеждает старшего офицера в своём умении читать (с. 143–144). Представленный анализ этого документа убедительно иллюстрирует тезис о грамотности большинства населения. Во-вторых, изменение роли письменности в жизни Иудеи доказывается тем, какое значение придаётся записанному слову в священных книгах (Второзакония и книга Иеремии), относящихся к кон. VII — нач. VI в. до Р. Х.⁸

Глава 7 «Как Тора стала текстом» (с. 163–190) посвящена важному вопросу — датировке и происхождению Пятикнижия. Хотя отдельные мысли по данной проблеме высказывались в двух предыдущих главах, здесь автор подводит итог рассуждениям на данную тему. Итак, позицию У. Шнидевинда по данному вопросу можно оценить как центристскую: датируя Пятикнижие VIII–VII вв. до н. э., он исключает консервативную датировку, однако отвергает документальную гипотезу и выводы радикальных критиков, датирующих Пятикнижие слепопленным периодом. Важно, что наш автор приводит два аргумента в пользу допленной датировки Пятикнижия: во-первых, использование классического,

8 Во Второзаконии многократно говорится о записи Синайского откровения (в первых четырёх книгах об этом почти нет речи), появляется повеление писать на косяках домов отдельные стихи Закона (с. 152–153); в Иер. 8, 8, по мнению У. Шнидевинда, отражается противостояние записанного слова и устной традиции (с. 161).

а не позднего еврейского языка, во-вторых, тот факт, что северные племена Израиля играют в Пятикнижии важную роль, доминирует идея двенадцати колен (с. 117–119). Формирование Пятикнижия происходит в два этапа: сначала при Езекии записаны Бытие — Числа, во время Иосии написано Второзаконие. Автор обращает внимание на факт: в книге Исход понятие «тора» указывает на устное учение, в книге Второзаконие — на записанный текст (с. 166, 185). Это может означать, что содержание первых четырёх книг составлено на основе устной традиции, тогда как Второзаконие написано уже в период, когда письменность была распространена и писанный Закон обладал авторитетом. Особо автор обращает внимание на фрагмент Исх. 24, 4–8, где говорится о записи Моисеем повелений Яхве; этот отрывок признаётся деветерономическим добавлением (с. 172–173). При этом У. Шнидевинд высказывает целый ряд оригинальных идей, которые идут вразрез с общепринятым консенсусом. Так, книга, найденная в храме священником Хелкией при Иосии, считается «свитком Завета» (Исх. 20–23), а не Второзаконием; Второзаконие же было написано в качестве комментария к «свитку Завета» (с. 173–174). Далее, на скрижалях, по мнению автора, был записан план скинии и заповедь о субботе (а не Декалог); этот тезис достаточно убедительно доказывается рассуждением: «довольно странной кажется мысль запечатать скрижали внутри ковчега, в особенности если текст на скрижалях следовало читать и руководствоваться им в качестве нравственного ориентира и законодательства. С другой стороны, если на скрижалях были записаны планы сооружения скинии, то эти тексты уже сослужили свою службу, раз скиния уже была завершена. В таком случае их можно было запечатать в ковчеге в качестве свидетельства того, что место пребывания Бога на земле было построено по планам, открытым и начертанным на скрижалях самим Богом» (с. 179). Авторская интерпретация текста на скрижалях впечатляет, однако её принятию серьёзно препятствуют ясные свидетельства самого Пятикнижия о том, что на скрижалях были написаны заповеди Декалога (см. Исх. 24, 38; Втор. 4, 13).

В главе 8 «Письмо в плену» (с. 190–223) автор рассматривает вопрос о составлении священных книг в период плена (то есть на протяжении всего VI в. до Р. Х.). Здесь автор сначала убедительно доказывает, что подобную работу не могли вести ни иудеи, оставшиеся в Палестине, ни те пленники из числа «простого» народа, которые жили в Вавилоне. Потом Шнидевинд обращает внимание на отсутствие в Библии подробных повествовательных текстов, содержащих описания жизни

в период плена. Методом исключения автор выявляет группу приближённых царя Иехонии, которые находились в привилегированном положении в Вавилоне, имели возможность заниматься книжным делом⁹; кроме того, в самих книгах есть детали, подтверждающие такую гипотезу¹⁰. Именно в это время была завершена редакция Девтерономической истории, была составлена расширенная версия книги Иеремии (которая сейчас находится в Масоретском тексте), книга Иезекииля, Исаия (гл. 40–66), книги Аггея и Захарии. Также высказывается интересная идея относительно «исчезновения» Зоровавеля с политической сцены Иудеи: У. Шнидевинд допускает, что «Зоровавель предпочел вернуться в Вавилон, где царская семья занимала привилегированное положение, вместо того чтобы оставаться в нищей персидской провинции Иехуд» (с. 223)¹¹.

Глава 9 «Писание в тени Храма» (с. 224–261) является заключительной главой основной части книги. В противовес доминирующей на Западе точке зрения, будто «почти все (если не вообще все) библейские книги были созданы в персидский и эллинистический периоды» (с. 227), автор скептически оценивает роль слепоглухих книжников в создании новых литературных произведений. В пользу своей оценки и против господствующего представления автор приводит три весомых аргумента: 1) провинция Иудея была бедной, малонаселённой и экономически отсталой¹²; 2) в это время основным разговорным языком

9 «Царская семья — единственная социальная среда периода вавилонского плена, в которой могло происходить написание значительных литературных произведений. Произведения допленного периода, скорее всего, были сохранены царской семьёй в Вавилоне, а затем вновь оказались в Иерусалиме, когда наследник престола Зоровавель вернулся в страну и заново отстроил Храм. Произведения библейской литературы, созданные на протяжении VI в. до н. э., отражают интересы царской семьи» (с. 223).

10 Эти детали таковы: 1) Иехония даже после его низложения в книгах считается законным царём (эпilog 4 Цар.); 2) с царя Иехонии снималась прямая ответственность за вавилонский плен (возлагается на Манассию и Седекию); 3) в книге Иеремии говорится о необходимости подчиниться вавилонянам (по факту, поступить аналогично царю Иехонии) (с. 208–215).

11 Альтернативные теории «исчезновения» Зоровавеля — восстание против персов или удаление его персами из-за усиления мессианских настроений среди народа — предполагают некую героизацию его образа; версия же У. Шнидевинда представляет его эгоистом-прагматиком.

12 «Археологические свидетельства указывают не на золотой век, а на тяжелое экономическое положение в Иерусалиме и окрестностях. В таких условиях следует ожидать скорее не расцвета библейской литературы, а значительного ослабления литературной активности» (с. 225).

был арамейский и даже писцов обучали с помощью арамейских текстов, что исключает создание большого количества литературных текстов на древнем еврейском языке¹³; 3) для библейской истории послепленный период до сер. II в. является «белым пятном». События этого времени, кроме деятельности Ездры и Неемии, никак не представлены в литературе. Этот факт необъясним в свете представления о бурной литературной деятельности в течение этого времени (с. 245).

Таким образом, У. Шнидевинд приходит к выводу, что в персидский и эллинистический периоды могли быть созданы только книги Паралипоменон, Ездры-Неемии, Есфирь, Екклесиаста и Даниила. Основная же деятельность книжников заключалась в кодификации и редактировании уже имеющихся библейских текстов (соединение отдельных сборников и псалмов в единую Псалтирь, объединение двенадцати пророков, добавление пролога и эпилога к книге Иова). При этом большая часть редакторской работы была осуществлена только в III в., поскольку под скипетром Птолемея в Палестину «вновь вернулось экономическое процветание» (с. 226).

В конце главы 9 есть подзаголовок «Подведение итогов» (с. 257–261); здесь автор тезисно повторяет основные положения, к которым пришёл в процессе исследования; по факту эта часть главы 9 играет функцию Заключения. Однако есть ещё и глава 10, озаглавленная как «Эпилог» (с. 262–285). Здесь основной темой является вопрос соотношения авторитета устной традиции и письменного слова в различных иудейских группах межзаветного периода и в раннем христианстве. Автор замечает, что саддукеи и ессеи отвергали устную традицию, любое устное толкование считалось вторичным и искажающим суть Писания (с. 272). Напротив, фарисеи считали устную Тору приоритетной, и этот подход был воспринят раввинистическим иудаизмом, который являлся преемником фарисейского иудаизма. Христос и представители апостольского поколения также признавали приоритет устного учения; в этом смысле их позиция была близка фарисейской традиции. Однако во втор. пол. I в., когда были записаны Евангелия, произошёл резкий сдвиг в сторону письменной традиции; использование формы кодекса в дальнейшем ещё более утвердило эту перемену (с. 281, 284).

13 «Представляется естественным, что во всех литературных произведениях этого позднего периода будет прослеживаться всепроникающее влияние арамейского окружения. Но тем не менее это влияние мы находим лишь в немногих библейских книгах. Почему? Просто потому, что это был период снижения литературной активности, период собирания и редактирования книг, а не их создания» (с. 244).

В итоге в христианстве, по мнению автора, Писание стало доминировать. В иудаизме процесс слияния устной Торы и письменного текста (запись Талмуда) происходил несколькими столетиями позже. Отметим, что наблюдения автора в отношении иудаизма имеют безусловную ценность; что же касается христианства, то здесь его следует поправить: автор, говоря о значении Писания для Церкви, транслирует протестантскую точку зрения; на самом деле ситуация не так однозначна. Писание действительно стало для Церкви основополагающим источником, однако Предание (устная традиция) признаётся равноправным свидетелем Откровения (при этом следует признать, что уже в древней Церкви все аспекты Предания были записаны, то есть Предание перестало быть устной информацией в буквальном смысле слова).

Итак, рассмотрев содержание книги У. Шнидевинда, сделаем выводы относительно её ценности и актуальности для православного исследователя, отметив значимые факты и идеи, содержащиеся в книге:

- много фактологической информации по развитию письма и культуры чтения в древнем Израиле (это особенно ценный пласт содержания);
- достоин внимания оригинальный метод датировки библейских книг, исходящий из данных о степени культурного развития иудейского общества и экономического положения;
- особенно ценна аргументация в пользу допленного происхождения Пятикнижия; по факту, в этой книге представлена взвешенная точка зрения, которая может рассматриваться как возможный средний путь для тех библеистов, которые отвергают крайности как консервативного, так и критического подхода к этому важнейшему вопросу библейской исагогики;
- интересна модификация концепции Девтерономической истории, идея трёх редакций: при Езекии написана основа этого исторического труда, при Иосии — восполнение содержания и вторая редакция, в период плена в окружении царя Иехонии — заключительная редакция;
- наконец, ценны отдельные экзегетические идеи автора, которые можно рассматривать как возможные версии: содержание скрижалей Завета (план скинии), интерпретация закона о ревности, объяснение фрагментов, связанных с переписью народа, идентификация «народа земли» как политической группы, выражавшей интересы сельских жителей, причины удаления Зоровавеля из Иудеи;

- весьма оригинально выглядит мысль, что Второзаконие было составлено по инициативе «людей земли» и предназначено было сыграть роль конституции, ограничивающей власть царя.

Отдельные недостатки и спорные суждения автора отмечены нами при обзоре содержания книги. В целом понятно, что предлагаемые автором датировки отдельных священных книг являются не более чем версиями, поскольку эти и другие вопросы частной исагогики не могут иметь однозначного решения.

Алексей Сергеевич Кашкин

Литература

- Арсений (Соколов), игум.* Книга пророка Осии. Комментарий. М.: Познание, 2019.
- Шнидевинд У. М.* Как Библия стала книгой: текстуализация древнего Израиля / пер. с англ. В. Л. Вихновича и Н. В. Сидоренко. СПб.: Европейский Дом, 2020.
- Lee Humphreys W.* The Rise and Fall of King Saul: A Study of an Ancient Narrative Stratum in 1 Samuel // *Journal for the Study of the Old Testament*. 1978. Vol. 5 (18). P. 74–90.
- New American Commentary Old Testament: An Exegetical and Theological Exposition of Holy Scripture: in 42 vols. Vol. 3B: Numbers / ed. by R. D. Cole.* Nashville (Tenn.): Broadman & Holman, 2001.
- Schniedewind W. M.* How the Bible Became a Book: The Textualization of Ancient Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Tyndale Old Testament Commentaries: in 27 vols. Vol. 4: Numbers: An Introduction and Commentary / ed. by G. J. Wenham.* Nottingham: Inter-Varsity Press, 1981.